

Сколько зим, сколько лет у меня на счету...

21 мая исполнилось 80 лет Борису Петровичу Рогожину, бывшему редактору «Коммунара», возглавлявшему газету с 1958 по 1980 год.

Он и сейчас, в свои восемьдесят, ещё видный мужчина — статный, с густыми бровями, лукавым прищуром глаз. Эта едва заметная усмешка и выдаёт в нём одессита — детство его прошло у самого синего моря, в самом юморном городе на свете. «Всё у меня было, как у всех — родился, учился, женился», — смеётся Борис Петрович, непривычный говорить о себе. Но при всей схожести биографических вех представителей одного поколения каждый проживает свою единственную и неповторимую жизнь, полную тревог, надежд и разочарований, случайных встреч, милых мелочей.

...Борис Рогожин мечтал стать архитектором, как старший брат, и после школы успешно поступил в институт. Но, как говорится, мы полагаем, а нами располагают — в 39-м году вышел новый закон о призыве, по которому ребят стали забирать в армию с восемнадцати лет, и со второго курса архитектурного Бориса забрали в армию.

Коротко постриженный новобранец попал в морскую авиацию Балтийского флота. После обучения поступил на службу в первый минно-торпедный авиационный полк. Это был 1940-й год — время присоединения западных регионов, и полк Рогожина по приказу командования устанавливал советскую власть в Эстонии, патрулируя улицы эстонских городов.

— О чём думали тогда, — спрашиваю Бориса Петровича, — ходя мимо митингующих эстонцев?

«Думали правильно, как учили», — отвечает он. Сомнений в правильности решений партии не было никаких — ещё девятиклассником Борис читал Маркса и Ленина, подпаив под обаяние личности своего преподавателя, бывшего политкаторжанина из дворян, человека широко образованного и красноречивого.

Войну Борис Рогожин встретил бывалым военным на аэродроме в Приютино, близ Петергофа. 21 июня все утюги были заняты — моряки готовились к воскресному увольнению. Но утром запоздал сигнал побудки, а на аэродроме не оказалось ни одного самолёта. Солдатики из батальона аэродромного обслуживания за ночь растащили самолёты со стоянок, врыли столбы, повесили маскировку — это было распоряжение министра флота, контр-адмирала Трибуна, который не стал ждать указаний свыше и ещё в субботу привёл весь флот в боевую готовность.

Авиаэскадрилью кинули на подавление двигавшихся на восток немецких танков, на уничтожение катеров и тральщиков противника — до самого конца блокады ни один немецкий корабль в Балтийское море не вошёл.

Самолёты ДБ-3Ф, которыми был оснащён полк, показали себя небоеспособными, в первых же вылетах полк потерял много машин. В августе 41-го в строжайшей тайне был получен приказ на оставшихся машинах совершить налёт на Берлин. Вылетали на закате с аэродрома на острове Эзель, а в полночь уже были над Берлином. Чтобы уберечься от вражеского зенитного огня и истребителей, летели в кромешной тьме, на высотах 7—10 тысяч метров, без необходимого запаса кислорода, при малой изученности южного побережья Балтийского моря. Всё это невероятно усложняло работу боевых экипажей. До 5 сентября было совершено десять налётов на Берлин, в которых было сброшено триста одиннадцать бомб и зарегистрировано тридцать два пожара. В этой операции добились последние машины:

из-за дальности, из-за высоты не хватало сил нормально посадить самолёт. Но больше всего лётчики боялись упасть на нейтральной стороне — в этом случае никакие объяснения, ничье заступничество не помогали избежать лагеря.

Немного позже эскадрилья перевооружилась на штурмовики ИЛ-2, которые немцы называли «чёрной смертью». В течение войны 7-й Гвардейский штурмовой авиаполк морской авиации дислоцировался в Котлах, Шауляе, по всему побережью, основная база была в Ленинграде.

...Закончилась война, кончился пятилетний срок армейской службы Бориса, но из армии не отпускали, потому что не было смены. Получив отпуск, Борис поехал присмотреть место, куда возвращаться из армии. В Одессе его никто не ждал, жить было негде. У друзей-знакомых порасспросил о Маше Звездиной, Муське, которая провожала его в армию. Как удалось выяснить, она училась в Киевской консерватории, и он ради неё поехал в Киев. Маша встретила его радостно, звала после службы к себе, но промолчала о том, что за эти годы успела два раза побывать замужем. Он знал, что не вернётся, просто приехал взглянуть, и думал, что это их последняя встреча. Но они встретились ещё один раз через много лет, когда Мария Звездина стала артисткой Большого театра.

Женился Борис на уроженке Переславля, и вместе с женой приехал в 49-м году жить на её родину. После десяти лет в армии всё в гражданской жизни было непривычно. Нигде он, несмотря на свои опыт и знания, не мог устроиться на работу, хотя каждый день обивал пороги предприятий и учреждений. Приходил и в райком партии, а там просили характеристики, рекомендации. «Так вы пошлите запрос в мою часть, они обо мне и напишут», — сказал Рогожин и стал ждать вызова из райкома. Но по случайности его характеристика пришла не в райком, а в горком, и поэтому когда его вызвали туда для беседы, он был крайне удивлён. «Такие специалисты на дороге не валяются», — рассудили в горкоме о Рогожине и взяли его в аппарат на должность инструктора.

Как-то поручили Рогожину и завотделом культуры посетить ВДНХ, посмотреть сельскохозяйственные достижения на празднике урожая. Походили по выставке, подивились на экспонаты, кое-что зарисовали, а ночевать отправились к родственникам спутника Рогожина. Вечером за столом стали все друг перед другом своими большими связями похвастаться. Тут Рогожин и решил козырнуть знакомством с артисткой Большого театра Марией Звездиной, имя которой пестрело на афишах по всей Москве. Недолго думая, собрались и подъехали к служебному входу Большого театра. «Занята сегодня Звездина в спектакле?» Им ответили, что сегодня она не поёт и что адреса артистов здесь не раздают. А Борису Петровичу и доказать хочется, и с Машей повидаться через столько лет — помнит ли? Подошёл к справочной, назвал дату и место рождения и за двадцать копеек получил нужный адрес. «Боренька! Какими судьбами!» — воскликнула, открыв дверь, Маша. Посидели, повспоминали, она достала юношеские фотографии Бориса, которые хранила. Но пора и честь знать, а тут и муж, музыкант, пришёл. Познакомились и попрощались, навсегда.

Вскоре стал Рогожин заведующим парткабинетом, а после учёбы в высшей партшколе ему поручили отдел пропаганды и агитации горкома партии.

А тут случилось так, что районная газета осталась без редактора и Рогожину нужно было найти подходящую кандидатуру. Однако ни один из двенадцати кандидатов не получил одобрения в горкоме, и тогда секретарь сказал: «Не можешь найти человека — иди сам», и утвердил Рогожина на должность редактора газеты «Коммунар».

«Я люблю всё делать хорошо», — отвечает Рогожин на вопрос о том, какой была газета в 60-е годы. Когда он принимал руководство, у газеты был тираж около 500 экземпляров и стойкая репутация городского сплетника. В то время лимитирование было на всё, в том числе и на газеты, так вот «Коммунар» давали обязательным довеском к подписке на «Правду», искусственно завышая тираж.

Тогда в ярославском обкоме, говорит Борис Петрович, переславцев недолюбливали. На всех семинарах хвалили «северные» газеты, а о «Коммунаре» не было ни звука. Поэтому вывести газету вперёд стало для Рогожина делом не только личной чести, но и чести всего района. За время учёбы в партшколе ЦК коротко сошёлся он с завкафедрой журналистики МГУ. К нему-то и обратился новый редактор с просьбой посылать на практику в «Коммунар» способных студентов. Ребята-студенты стали приезжать из года в год, внося в газету своим бойким, молодым пером новые мысли, столичные веяния. Тираж пополнился

вверх. «Что у вас с газетой?» — спрашивали в области, когда стало не хватать бумаги для печати. «Стараемся», — отвечал Рогожин и просил подбросить бумаги.

«Нельзя, — отвечали, — не положено». Это были самые распространённые слова, ничего тогда было нельзя. Доходило до смешного — купить пишущую машинку за наличный расчёт редакции невозможно, а по безналичному расчёту редакциям приобретать машинки не положено. Рогожин тогда ходил на поклон к заведующей банком, чтобы дала разрешение приобрести — мол, задыхаемся, машинки нужны. А для пущей сговорчивости захватил с собой пузырьёк духов и розочку, которые в нужный момент извлёк с ловкостью фокусника, так что женское сердце банкирши дрогнуло и редакция приобрела пишущую машинку.

А сколько грозных окриков приходилось выслушивать Рогожину! «Вы что там себе позволяете!» — доносилось в телефонную трубку после выхода очередного номера. Бдительное око цензоров сличало, сопоставляло, выискивало и, найдя, докладывало. «Почему у вас в «Коммунаре» в заметках о пьяницах и дебоширах фигурируют только рабочие и крестьяне? Вы на что покушаетесь?..» А однажды начальник гражданской обороны дал объявление о времени проведения учений. Переполох начался аж в самой Москве! «Выдали государственную тайну! К ответу за халатность!»

Борис Петрович смеётся, вспоминая прошлое, — за двадцать два года работы в газете есть о чём вспомнить. О том, как пришёл к нему на работу молодым сотрудником нынешний редактор газеты, как рос на глазах, а потом перенял эстафету и уже догоняет своего учителя по продолжительности руководства.

Борис Петрович Рогожин не забывает редакцию, на всех праздниках он у нас желанный гость — степенный, немногословный и всегда чуть ироничный.

От всех сотрудников редакции самые искренние поздравления нашему уважаемому юбиляру, пожелания здоровья, бодрости и любви!